

Глава 4. Уезд Чима

Услышав эти слова, Чи Шэнь почувствовал, как в носу предательски зашипало. Поначалу он заботился о Сян Тянью лишь ради выполнения задания, но человек — существо эмоциональное: отдавая, всегда получаешь что-то взамен. Сян Тянью — главный герой этого мира, и в будущем он неизбежно вознесется, подобно истинному дракону. Тогда его будут окружать толпы талантов, красавиц, верных друзей и мудрых наставников, а пока он одинок. И то, что сейчас его тронуло упорство простого мальчишки, было редкостью, которой Чи Шэнь дорожил всем сердцем.

— Узнав, что на душе у брата, я несказанно рад, — прошептал он. — И обещаю отвечать тем же!

Сян Тянью, услышав клятву, улыбнулся еще теплее. Он поймал ладонь Чи Шэня, накрыл её своей и мягко произнес:

— Сегодня поужинаем вместе, а после я провожу тебя домой.

Чи Шэнь немного подумал и светло улыбнулся в ответ:

— Можно и вовсе остаться здесь на ночь. Попросим А-Ланя передать весточку, и всё.

А-Лань — это синешейка, которую выходил Сян Тянью. Птица умела выговаривать несколько слов, и обычно, когда мальчик оставался на ночлег, она летела к семье Ван с докладом. Ван Хэйдань поначалу диву давался такому чуду, но со временем привык.

— Боюсь, сегодня не выйдет.

— Почему? — выпалил Чи Шэнь и тут же спохватился, заметив, что в голосе прозвучало слишком много разочарования. — Если неудобно, то забудь.

— О чем ты только думаешь? — Сян Тянью покачал головой. — Через три дня мы отправляемся в путь. Твоя матушка сейчас вся в радостях, но не пройдет и пары дней, как начнет тосковать. Лучше проведи это время с ней. А завтра вечером я сам провожу тебя, поговорю с родителями и заберу в город, в школу. Заодно известим учителя. В уезд Чима поедешь со мной — будем вместе и в пути, и на ночлеге. Договоримся с остальными, где встретимся уже на месте.

Чи Шэнь просиял. Уныние как рукой сняло, сменившись нетерпеливым восторгом. Он готов был сорваться с места хоть сейчас, не дожидаясь положенных трех дней.

— Чудесно! — воскликнул он. — Целый месяц вдвоем! Будем любоваться горами и реками, и никакой учитель нам не указ со своими правилами.

Сян Тянью шуточно ущипнул его за кончик носа и уже собирался что-то ответить, когда в дверь трижды постучали. Снаружи донесся голос Дао Цзуна:

— Молодой господин, Бао-эр, пора ужинать.

Стояла душная, липкая жара, поэтому стол накрыли прямо на улице, под сенью зеленого плюща. Сян Тянью вывел Чи Шэня из дома, держа за руку; Дао Цзун уже ждал их. За шесть лет знакомства Чи Шэнь ни разу не видел, чтобы старик садился за стол вместе с ними. Поначалу мальчик чувствовал себя неловко и даже пару раз приглашал его, но, поняв, что слуга и господин не намерены нарушать заведенный порядок, оставил эти попытки.

Вечером, когда они вернулись к добротному кирпичному дому семьи Ван, дворовый пес при виде Сян Тянью лишь жалобно скулил и спрятал хвост, не смея даже гавкнуть. Ли Цзиньхуа как раз выходила из кухоньки. Увидев гостя, она так обрадовалась, что принялась усиленно вытирать мокрые руки о фартук.

— Ох, господин Сян! — воскликнула она, и в уголках её глаз собрались морщинки-лучики. — Еще ведь светло совсем, незачем было провожать. Бао-эр бы и сам дошел — деревня крохотная, все свои кругом. О чем беспокоиться?

— Решил прогуляться перед сном, — терпеливо отозвался Сян Тянью. — К тому же, береженого бог бережет. Бао-эр такой смысленный и славный... Если, не дай бог, споткнется или ушибется, я себе этого не прощу.

Ли Цзиньхуа так и зашлась в смехе, отмахиваясь руками:

— Ой, да бросьте вы! Деревенские дети — народ крепкий, заживет как на собаке. Проходите скорее в дом.

Она уже всю хлопотала, распахивая двери главной комнаты.

— Матушка говорит о других детях, — заметил Сян Тянью, переступая порог. — А Бао-эр нежный, он книжник, как его с прочими сравнивать? Слышал я, что через три дня он отправляется с учителем в дальние края. Поэтический вечер в уезде Чима — там ведь соберутся лучшие умы, будущие чиновники и мудрецы.

— И не говорите... — Ли Цзиньхуа довольно зажмурилась и легонько шлепнула сына по плечу. — Язык без костей, о каждой мелочи готов разболтать. Только днем вернулся, а уже все соседи в курсе. Но учитель и впрямь сказал: из всех учеников наш Бао-эр самый младший, остальным уже лет по пятнадцать-шестнадцать. Только из-за его выдающихся успехов и сделал исключение!

Эта версия событий изрядно отличалась от того, что рассказывал сам Чи Шэнь, но Сян Тянью и бровью не повел. Напротив, он понимающе кивнул, изобразив на лице тень тревоги:

— Вот об этом я и подумал. Путь неблизкий, и Бао-эру, боюсь, придется тяжело в компании взрослых парней. Разница в три-пять лет — это много, он может просто за ними не поспеть.

Ли Цзиньхуа об этом даже не задумывалась. Она мгновенно помрачнела:

— Верно говорите... Ох, беда, что же делать-то...

— Способ есть, — медленно проговорил Сян Тянью, прищурившись. — Я и сам планировал развезься, съездить на праздник фонарей. Но послушал вас и решил: а не поехать ли нам с Бао-эром вдвоем? Отправимся чуть раньше учителя, своим ходом.

Ли Цзиньхуа замялась. Сян Тянью в её глазах был фигурой значимой, почти грозной, но и учителя гневить не хотелось. Чи Шэнь и так получил это место чудом — не хватало еще, чтобы наставник решил, будто деревенский выскочка слишком много о себе возомнил.

Сян Тянью читал её мысли как открытую книгу.

— Если Бао-эр поедет со мной, все расходы — еду, ночлег, дорогу — я беру на себя. Хоть я и покинул столицу, но на такие мелочи денег не пожалею, так что не скромничайте. К тому же, вся эта школьная братия — люди хилые, за себя постоять не смогут. Если в пути что случится, кто их защитит? А под моим присмотром ни один разбойник к нему и на шаг не подойдет.

У Сян Тянью в запасе была еще сотня доводов, но Ли Цзиньхуа хватило и этого. Она, неграмотная женщина, больше всего на свете боялась за жизнь любимого сына.

— Ох, и впрямь... — запричитала она. — Уж простите за беспокойство, господин Сян. Пожалуйста, присмотрите за ним в дороге.

Цель была достигнута. Сян Тянью, понимая, что задерживаться в покоях женщины дольше приличия не стоит, поднялся с места.

— Не стоит благодарности. Сколько лет вы меня кормили хлебом да лепешками, одевали да обували... Не псу же под хвост всё это ушло. Бао-эр — чудесный ребенок, а вы — хорошие люди, небо вас обязательно вознаградит. Завтра я заеду за ним, и мы вместе сходим к учителю. Ну, доброй ночи.

Счастливая Ли Цзиньхуа вскочила, чтобы проводить гостя, но, зная о дружбе сына с молодым господином, не стала мешаться и позволила Чи Шэню самому дойти до ворот.

Когда мальчик вернулся, мать уже не могла сдержать восторженного смеха.

— Бао-эр мой, золотко! — воскликнула она, светясь от гордости. — Сразу видно — ты для знатной жизни рожден! Точно какой-нибудь небожитель в моем чреве переродился. Учитель в городе тебя ценит, а этот столичный господин и вовсе пылинки готов сдувать!

Она поморщилась и добавила тише:

— Но ты запомни: и учитель, и господин Сян добры к тебе лишь потому, что видят в тебе будущую опору. Ты уж постарайся, не подведи. Вернешься с праздника — засядь за книги, сдай экзамены, один за другим. Станешь первым на императорских испытаниях, и тогда сам Лунди тебя уважает! А эти-то тогда кто тебе будут? Тьфу, и только.

Чи Шэню такая корыстная логика была не по душе.

— Матушка, — возразил он, — брат Тянью ко мне искренен. Он не ищет выгоды, ты зря так думаешь.

Ли Цзиньхуа лишь сокрушенно покачала головой:

— Глупое ты дитя! Глаза-то раскрой! Господина Сяна из столицы вышвырнули. Если он не хочет до конца дней в нашей глухомани гнить, ему нужен влиятельный человек, который вытщит его обратно. И этот человек — ты. Понимаешь?

Чи Шэнь лишь вздохнул. С его знаниями и опытом спорить с матерью было бесполезно — они жили в разных мирах. Лишь понимая, как сильно она его любит, он смиренно кивнул:

— Хорошо, матушка. Только не болтай об этом лишнего. Язык — враг мой, мало ли кто услышит... А время само всё рассудит: истинна наша дружба или нет.

Ли Цзиньхуа решила, что сын еще слишком мал для серьезных разговоров, и позже, когда вернулся муж, пересказала всё ему, лежа в постели. Ван Течжу курил трубку, привалившись к изголовью. Выслушав жену, он выбил пепел о край кровати и проговорил серьезно:

— Ты сына слушай. Не мели языком. Он грамоте обучен, побольше нашего соображает. А что до господина Сяна... По мне, так он почище горного леопарда будет — такой же скрытный и непредсказуемый. Чтобы он за нашим Бао-эром бегал ради выгоды? Не верю.

— Это еще почему? Его же из столицы выг...

Звонкий удар трубки о спинку кровати прервал её на полуслове.

— Столица, столица! До неё от нашей деревни десять тысяч ли! Мало ли что люди болтают, а ты и рада верить. Посмотри на него — разве он похож на побитую собаку? Говорю тебе: он не из тех, кого можно просто так выставить за дверь. Он похлеще любого зверя будет, и то, что он вызвался оберегать Бао-эра — это наше счастье!

Когда муж впадал в такой гнев, Ли Цзиньхуа не смела перечить. Она лишь поправила одеяло и пробормотала:

— Да я же и не против, отпустила уже Бао-эра с ним... Ладно, ложись, завтра вставать рано. Хватит дымить.

На следующий день Сян Тянью, как и обещал, заехал за Чи Шэнем. У входа в школу они случайно столкнулись с учителем. Тот издали заметил богатый экипаж и гадал, что за знатный гость пожаловал, но, увидев, как статный, благородного вида мужчина помогает выйти маленькому Бао-эру, едва не лишился дара речи.

После короткой беседы учитель окончательно проникся уважением к Сян Тянью — от одного вида этого человека веяло такой мощью, что возражать ему было попросту страшно. Да и для школы выгода: раз господин сам оплачивает дорогу и жильё ученика, казна целее будет.

Вечером накануне отъезда Ли Цзиньхуа достала новую одежду и показала Чи Шэню потайной кармашек, наглухо зашитый изнутри.

— Твой отец велел передать: хоть господин Сян и приглядывает за тобой, старайся лишний раз его не обременять. И в пути не жадничай, не позорь нас. В кармашке — медяки, а еще я туда кусочек серебра положила. Трать с умом, но и не экономь на каждой площадке риса, чтобы люди косо не смотрели.

Чи Шэнь воспринял это спокойно, а вот Ван Хэйдань пришел в восторг при виде серебра. Пока мать собирала вещи, Чи Шэнь шепнул брату:

— Вот выиграю на празднике в поэтическом состязании — привезу тебе самый красивый фонарь.

Хэйдань тут же расплылся в улыбке:

— Тогда хочу фонарь в виде золотой обезьяны!

Чи Шэнь незаметно сунул в руку брату два медяка и улыбнулся, сверкнув ямочкой на щеке:

— Жди меня, и всё будет.

<http://bllate.org/book/17417/1649735>